

СПЕЦНАЗ
ВДВ

Сергей ЗВЕРЕВ

**МЕРТВОЕ
ПОБЕРЕЖЬЕ**

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Мертвое побережье

«ЭКСМО»

2012

Зверев С. И.

Мертвое побережье / С. И. Зверев — «Эксмо», 2012 — (Спецназ ВДВ)

Семья Серебрякова, сотрудника российского посольства в Ливии, решила провести отпуск на здешнем морском побережье. Россияне и не догадывались о том, что уже завтра в Джамахирии вспыхнет революция против режима Каддафи. На эти события немедленно отреагировали военные силы НАТО. Ракетный удар с американского авианосца подчистую уничтожил мирный приморский поселок, свидетелями чего и стали отдыхающие рядом Серебряковы. О случайных свидетелях военного преступления узнали американцы – и за россиянами началась дикая охота. Тогда Москва приняла решение: чтобы спасти российских граждан, в Ливию срочно перебрасывается мобильная группа спецназа ВДВ майора Лаврова – легендарного Батяни.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Зверев

Мертвое побережье

Глава 1

Надежды на погоду оправдались. Она выдалась отличная, даже «замечательная», как любила в шутку повторять Ирина. Что ни говори, но март месяц на африканском побережье Средиземного моря способен подарить теплые денечки. Не такие, чтобы лежать и жариться под солнцем, а чтобы можно было просто отдохнуть, отвлечься от мирской суеты. Получить настоящий вкус жизни, без гостиниц, бассейнов, ночных клубов и уличных зазывал. И Ирине, и ее мужу Антону с сыном именно такого отдыха хотелось давно, да все как-то не получалось. Но когда подошло время законного отпуска, они твердо решили осуществить свое желание. Узнав об этом, вместе с ними собрался поехать и коллега Антона. Поразмышляв на коротком семейном совете, супруги согласились взять его с собой. Может, он и не был для них особо хорошим другом, но зато мог водить машину и подменить за рулем в случае надобности.

Джип с посольскими номерами стоял в десятке метров от моря. К нему был присоединен прицеп-лафет, на котором они привезли моторку. Мужчины использовали ее с толком, уходили на ней метров на триста-пятьсот от берега и рыбачили. Ирина обычно оставалась на берегу, полеживая в небольшом бунгало за чтением легкого дамского романа. Казалось бы, всего лишь 210 километров от Триполи, а ощущение такое, будто на другой планете. Свобода. Морской воздух. Почти полное отсутствие связи с внешним миром. В ливийской столице голова шла кругом от непрерывного потока информации и необходимости ее переваривать, поэтому вылазка к морю в районе Мисураты была предпринята еще и со строгим условием: не брать с собой ни ноутбуков с подключением к Интернету, ни даже радиоприемника. И как ни протестовал шестнадцатилетний сын Игорь, исключение было сделано лишь для мобильных телефонов. Все были уверены, что, в случае чего, им позвонят из российского посольства в Ливии и сообщат необходимое. Тогда можно будет быстренько вернуться назад.

Антон Серебряков, являвшийся вторым секретарем посольства, считал, что причин для прерывания их отдыха не было. Он не верил в вероятность того, что в Ливии разразится революция. Ливийский лидер правил страной порядка сорока лет и успел сделать все возможное для стабильности собственной власти. «Всем этим местным «оранжевым», «бархатным» или «серо-буро-малиновым» скоро не поздоровится. Кто-кто, а Муаммар Каддафи найдет способ с ними разобраться. Такого беспредела, как в Египте, здесь точно не будет», – уверенно говорил Антон, обращаясь к своему коллеге Виктору Гончарову. И хоть во время отдыха старались не обсуждать подобные темы, они все равно так или иначе проявлялись в разговорах. Гончаров, культурный атташе российского посольства, тоже считал восстание против ливийских властей невозможным, но при этом осторожно указывал на то, что в городе Бенгази происходит нечто не вполне понятное.

– А что там непонятного? – вскипал Серебряков. – Рвутся к власти. Дестабилизируют обстановку. Пытаются понравиться америкасам, если уже не понравились. Но хозяин здесь один – Каддафи. Думаю, за пару недель он всю эту катавасию жесточайше пресечет. И будет прав.

– Па, ну хватит уже об этом, – недовольно бурчал сын Игорь. – Вроде рыбу ловить приехали, а не об этих бедуинах болтать...

Отец тяжело вздыхал и недовольно махал рукой, хотя понимал правоту сына. Неизвестно, когда еще получится выбраться в эти места. Море в марте здесь хоть и холодное, но вполне подходящее для хорошей рыбалки. Тем более что Антон несколько месяцев не просто думал,

а по-настоящему мечтал о ловле марлинов – в Москве-реке ни в марте, ни в июле такой рыбы не поймашь. Прекратив разговоры о политике, он просто радовался этой рыбе, этому морю, этой моторке, мирно покачивающейся на волнах. Такое удовольствие в слякотной российской столице вряд ли удалось бы получить.

В тот день улов был особенно удачным. Они поймали несколько крупных марлинов и десяток рыб чуть помельче. Насытив свой рыболовецкий азарт, решили часть улова отпустить обратно в море, себе же взяли ровно столько, сколько хватило бы всем на хороший ужин.

Ирина вышла из бунгало и подошла близко к кромке воды, глядя на приближающуюся моторку с «добытчиками», как она их называла. Едва те ступили на берег, муж стал нахвалять себя и сына за проворность и сноровку в рыболовецком деле. Его коллега, который тоже внес свою лепту в общий улов, скромно отмалчивался. Он не любил хвастаться, считая это дело излишним как в работе, так и в развлечениях.

Ирина обняла своих мужчин, но Игорь поспешил вырваться из объятий. В подростковом возрасте многие мальчишки отрицательно относятся к «телячьим нежностям». Он побежал в бунгало, чтобы вытащить на берег жаровню. Виктор же побрел к джипу за пакетом с углем. Все изрядно проголодались и предвкушали знатный ужин. Серебряков никому не доверил чистку рыбы, заявив, что лучше его это никто не сделает. «Думаете, что рыбу так легко чистить? – горделиво спрашивал он. – Нет, ребята. Тут нужно знать некоторые секреты. От правильной чистки зависит, какой вкус рыба будет иметь после готовки». Ирина была только рада, что это занятие обошло ее стороной, и сосредоточилась на приготовлении маринада. В этом деле муж доверял ей полностью. «Давай твой фирменный, с базиликом», – крикнул он, пока она принималась за работу. Виктор и Игорь тем временем колдовали с жаровней – мальчик укладывал уголь, атташе молча следил за тем, чтобы все делалось правильно.

Мелкая походная суета вокруг приготовления ужина очень нравилась Ирине. Антон снова взял инициативу в свои руки. Рыба жарилась, источая изумительный запах, а он переворачивал куски и, бросая хитрые взгляды на компанию, подогревал аппетит раззадоривающими репликами: «М-м-м, сейчас у нас будет такая рыбка, что просто пальчики оближешь. Самый смак. Подождите еще немного. Скоро, очень скоро царский ужин устроим». Ирина в ответ лишь улыбалась, а Игорь нетерпеливо потирал руки и подгонял отца: «Па, у меня уже от голода в животе сосет». «Ничего, зато здоровее будешь. Это ведь по-настоящему здоровая еда, а не суррогаты из ресторана быстрого питания». «Может, пока по маленькой пропустим?» – спросил Гончаров, кивая в сторону багажника, где находился запас спиртного. «Тащи вино», – согласился Антон.

Вино было разлито по небьющимся походным бокалам. Сыну Антон налил буквально несколько капель. «За здоровый отдых! За морской воздух и нашу жизненную удачу!» – провозгласил тост Серебряков-старший. К моменту, когда бокалы были уже пусты, рыба наконец дошла до нужной кондиции. Каждый получил свою порцию и принялся с жадностью уплетать ее. «Ну как? Как вам рыбка?» – с довольным видом спрашивал Антон. В ответ слышалось лишь удовлетворенное мурлыканье. Рыба действительно получилась отменной.

Игорь усердно жевал второй кусок марлина и всматривался в море. Ему показалось, что вдалеке, высоко над морской гладью, что-то парит. Сначала он подумал, что это лишь секундное видение, и закрыл глаза. Через несколько мгновений, открыв их снова, надеялся, что над морем ничего особенного больше не увидит, но его надежды оказались напрасными. Видение не исчезло. Объект, паривший над морем, неспешно приближался к побережью. Правда, летел он не в сторону места отдыха русских, а в направлении ближайших гор.

– Сынок, что ты там увидел? Уж не русалку ли? – шутливым тоном спросила Ирина, заметив странноватый взгляд сына.

– Русалку он себе все-таки в России найдет, – тут же прокомментировал Антон, с улыбкой поворачиваясь к Игорю.

– Ну при чем тут это! – воскликнул тот и рукой указал на замеченный им объект. – Там вон летит что-то. Серебристое. Блестящее. Чем-то напоминает авиамодель, но, кажется, немного крупнее тех, которые мне приходилось раньше видеть. Неужели здесь кто-то занимается авиамоделированием? И почему модель летит с моря? Разве тут поблизости есть земля?

– Чего? – изумленно переспросил Антон, устремляя взгляд в небо.

То же сделали Ирина и Виктор. Последний с недоумением пожал плечами и сказал:

– Фантастика какая-то! Земли ведь действительно нет на многие десятки километров. Откуда же взялась эта модель?

– Вот уж эта творческая натура, – голосом, в котором едва заметно сквозила тревога, проговорил Серебряков-старший. – Тебе, Витя, везде фантастика мерещится. А что здесь фантастического? Ничего. Посмотри внимательно. Разве это модель? Разве это не напоминает кое-что из современных военных разработок?

– Не знаю, – развел руками Гончаров. – Может, какой-то секретный самолет? Я угадал?

– Ой, Витек, пока ты угадаешь, мы тут все поседем, – бросил ему Антон и обратился к жене: – Ириша, мобильники у тебя? Неси скорее сюда мой. – Жена направилась к бунгалу, он же продолжил: – Похоже, эта штука над морем – беспилотный летательный аппарат. Такие сейчас часто применяют армии и спецслужбы разных государств. Но что беспилотник делает здесь, я просто ума не могу приложить. Может быть, наше посольство в курсе?

Ирина протянула мужу мобильный телефон. Тот включил его и попытался дозвониться до российского посольства в Триполи. Попытка оказалась неудачной – связь оборвалась. Он попробовал позвонить еще. На этот раз дозвониться удалось, хотя связь была никудышной – сильные помехи, треск, какое-то непонятное эхо. Впрочем, все это не помешало поговорить с сотрудником посольства и спросить, не известно ли об использовании кем-либо беспилотного летательного аппарата в районе Мисураты. Ответ был отрицательным. В посольстве никто ничего об этом не знал, при том что российское посольство старалось тщательно отслеживать оперативную информацию о реальном положении вещей в разных районах Ливии. Тогда Антон поинтересовался, не изменилась ли ситуация в стране их пребывания. Ему ответили, что ничего не изменилось, и выразили уверенность, что в ближайшее время все останется по-прежнему.

Пока Серебряков-старший звонил, неизвестный аппарат скрылся из поля зрения. Раз уж в родном посольстве ничего не знали, он предложил всем особо не заморачиваться по поводу увиденного. Выяснить его происхождение и маршрут следования все равно не представлялось возможным. В принципе ситуация в Ливии могла поменяться молниеносно, и новые сведения просто не успели дойти до посольства России. Но проверить это неприятное предположение они не могли. Имелся лишь мобильный Интернет, пользоваться которым не хотелось – как из лени, так и из-за желания верить, что все останется по-прежнему. Антон еще раз налил всем вина, и прерванный ужин продолжился под более веселые темы для разговоров.

Солнце клонилось к закату, однако ночной мрак не спешил окутать собой побережье и море. Туристы развели небольшой костерок, уселись вокруг него и стали обсуждать планы на следующий день. Антон хотел разнообразить времяпрепровождение чем-то необычным, но не говорил, чем именно, а пытался заставить остальных угадать свою затею. Это напоминало детскую игру в загадки без отгадок. Вдруг где-то совсем недалеко раздался громкий грохот, небо озарили яркие вспышки. Можно было подумать, что причиной всему гроза с молниями, но в этих широтах, да и в это время года ее попросту быть не могло. Вскочив со своих мест, они с нарастающей тревогой смотрели в сторону, откуда слышался грохот. Он тут же повторился, причем такой продолжительной чередой, что даже у Игоря не осталось никаких сомнений – это взрывы. Они опять же сопровождались ослепительными вспышками, озарявшими часть вечернего неба.

– Это что? Война? – растерянно проронил Игорь.

– Да хрен его знает, что здесь такое творится! – взволнованно выругался Антон.

Ирина дрожащими руками взяла мобильник и набрала номер российского посольства. Вызов сорвался. Она повторила попытку еще несколько раз, но тщетно – дозвониться не удалось.

– Мобильная связь «легла», – констатировал Серябряков-старший и обратился к коллеге: – Витя, у тебя «игрушка» помощнее наших, попробуй подключиться к Интернету. Вдруг получится, и мы что-то узнаем обо всем этом.

Над горизонтом стояло огненное зарево. В багровых отблесках можно было различить клубы черного дыма. На какое-то короткое время показалось, что взрывы больше не повторятся.

– Интернет тоже «лежит», – после ряда безрезультатных попыток «подконнектиться» объявил Гончаров.

И в то же самое мгновение призрачная тишина взорвалась новой серией грохочущих звуков. На этот раз было отчетливо слышно, как взрывы перемежаются с беспорядочной стрельбой. Игорь невольно прижался к матери, будто враз забыл о том, что не любит «телячьих нежностей». Саму Ирину била дрожь – то ли от страха, то ли от неопределенности всего того, что разыгралось на их глазах. Видя это, Антон обнял ее и сына. Там, за горами, происходило нечто ужасное, но объяснений этому не было. Слыша взрывы и стрельбу, видя вспышки и зарево, русские не могли понять, кто и зачем все это устроил.

* * *

Ливия... За долгую историю здесь практически никогда не существовало собственного независимого государства. Эти земли постоянно брали под свой контроль более сильные страны: Финикия, Древняя Греция и Древний Рим, Арабский халифат, Османская империя, Италия, Англия, Франция. Лишь во второй половине XX века страна обрела самостоятельность, установив власть королевской династии. Крупные месторождения нефти, открытые здесь в конце 1950-х годов, сделали Ливию одним из богатейших государств не только североафриканского региона, но целого мира. Но, как часто бывало в истории других государств нашей планеты, природные богатства не стали залогом процветания и зажиточности всего ливийского народа. Прибыли от добычи нефти позволили обогатиться лишь узкому властному слою, прибиравшему все к своим рукам, основная же масса населения оставалась бедной. Такой перекокс вполне закономерно привел к росту недовольства среди ливийцев, на волне которого появились политические группы, выступавшие за изменение государственного строя. Одна из таких групп, образовавшихся в среде военных, в 1969 году произвела успешный государственный переворот и провозгласила республику. Во главе переворота стоял двадцативосьмилетний ливийский офицер, капитан Муаммар Каддафи. Именно он и возглавил тогда новую Ливию, объявив о построении справедливого общества. Через восемь лет после переворота, с подачи Каддафи, государство получило витиеватое название – Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия. Слово «джамахирия», означающее «государство масс», должно было лишний раз напоминать о третьем пути развития Ливии. Ведь изначально Каддафи заявил, что в своей политике не будет копировать ни советский социализм, ни западный капитализм. Какое-то время это ему удавалось. Но все преобразования, происходившие в Ливии под его началом, оказывались возможными лишь благодаря добыче и продаже нефти. Как только мировые цены на нефть падали, в Джамахирии начинались разнообразные экономические проблемы.

Правда, власть Каддафи всегда оставалась сильной. Он был одним из ведущих лидеров арабского мира, который бескомпромиссно противостоял США, странам Запада и Израилю. При помощи своих спецслужб Каддафи отслеживал оппозиционно настроенных выходцев из

Ливии в других странах, чтобы устранить малейшую угрозу для собственной власти. Однако его многолетнее правление в конце концов привело не только к недовольству со стороны западных стран, но и к появлению недовольных внутри самой Ливии. Политические амбиции последних, их желание любой ценой прийти к власти, подогреваемое примером массовых выступлений в других странах арабского мира, спровоцировали взрывоопасную ситуацию в стране. В феврале 2011 года оппозиция начала вооруженное восстание, центром которого стал второй по величине ливийский город Бенгази. Расквартированные там части ливийской армии перешли на сторону оппозиции. Ответ Каддафи на эти действия был незамедлительным: правительственная авиация нанесла удар по мятежной военной базе в Бенгази. Однако это не остановило сопротивления повстанцев, и в конце февраля, объявив о создании временного правительства Ливии, они начали реализовывать план по взятию под свой контроль ливийской провинции Киренаика. Западные страны практически сразу заявили о своей поддержке мятежников.

* * *

Ирина пыталась возражать и даже встала перед мужем, преграждая путь к джипу, но тот был непоколебим в своем решении. «Нужно туда съездить и все посмотреть, пока совсем не стемнело», – повторял Антон. Виктор же, хоть и сомневался в целесообразности и безопасности поездки, решил все же следовать за ним. Невзирая на возражения супруги, Серебряков сел за руль, его коллега уселся рядом, машина тронулась с места и покатила в сторону, откуда доносились звуки взрывов.

Прежде чем решиться на вылазку, Антон хорошенько поразмыслил. Его решение не было импульсивным, он не бросался сломя голову в гущу неведомых событий. Все-таки выждал, когда взрывы и стрельба прекратились, и лишь потом предложил Гончарову сходить в разведку. Продолжительное затишье вселяло призрачную надежду на то, что кошмар в ближайшее время не повторится. Доводы Ирины о том, что вылазка опасна сама по себе, к сведению приняты не были. Если уж Антон что-то решил, то остановить его мог только приказ сверху.

Джип медленно приближался к месту непонятного происшествия. Чем дальше, тем больше дорога напоминала фронтную. Большая площадь неподалеку от дороги, ведущей в Мисурату, была густо усеяна воронками, некоторые из них зацепили и часть трассы. Вести машину приходилось с удвоенной осторожностью. Среди воронок пылали груды металла – то, что еще совсем недавно являлось военной техникой или средствами транспорта. Кое-где можно было вполне отчетливо различить стабилизаторы ракет. Первым их заметил Виктор, не понимающий истинного предназначения этих предметов, Серебрякову хватило одного-единственного взгляда, и он сразу понял – район подвергся сильнейшему ракетному удару. Проехав еще какое-то расстояние, они увидели ужасающую картину, повергшую их в шок – огромное пространство перед ними было усеяно изуродованными трупами. Виктор невольно старался отвести глаза от этого зрелища, но это не получалось. Антон же с содроганием сердца разглядывал погибших, которые, видимо, даже не успели отреагировать на опасность. А отреагировать все-таки должны были – судя по камуфляжной форме, они были военными. Антон попытался рассмотреть знаки отличия, шевроны, нашивки и прочее, что могло бы пояснить, к какой из частей армии принадлежат убитые бомбардировкой солдаты. Однако ни на одном из камуфляжей ничего подобного не наблюдалось.

– Да кто же это такие?! – восклицал обескураженный Серебряков, умудряясь вести машину через это безумное поле смерти, залитое кровью неведомых бойцов. Остовы нескольких сгоревших машин-амфибий давали лишний повод предположить, что речь идет о профессиональной, хорошо оснащенной армии. Но чьей именно, оставалось загадкой.

– Если верить карте, здесь рядом должен быть поселок, – заметил Виктор, – но что-то его совсем не видно. Может, карта неточная?

– Витек, очнись! При чем здесь карта? – с неким даже упреком ответил Антон. – Неужели ты не понимаешь, что поселка нет лишь потому, что ракеты полностью стерли его с лица земли.

– Как?! Гражданских лиц?! Вот так просто взяли и уничтожили? Это ведь нарушение всех международных конвенций! Кто на такое пойдет? – с неподдельным недоумением пролепетал Гончаров.

– Я тебя умоляю, спустись с небес на нашу грешную землю. Конвенции конвенциями, а такого «добра» по всему миру хватает. Не гнушаются уничтожать мирное население ни те, кого представляют «злыми бьяками», ни те, кто хочет выглядеть перед мировой общественностью ангелами в белых фраках, – выдал тираду Серебряков, и по его тону было понятно, что он изрядно завелся. Как от вопросов своего коллеги, так и от картины огня, дыма и смерти, стоящей перед ними.

Поселок в буквальном смысле исчез. С большим трудом можно было представить, что на месте всех этих бесчисленных воронок совсем недавно находились дома с живыми людьми, а теперь в смеси земли, пепла, мелких фрагментов уничтоженных построек покоились останки погибших жителей.

Антон не выдержал и остановил машину.

– Ты как хочешь, а я пройду по окрестностям. Вдруг кто-то чудом остался жив? Правда, после такой мясорубки это маловероятно, но все-таки следует проверить.

– Я пойду с тобой, даже не сомневайся, – неожиданно твердо проговорил Виктор. – Вдвоем в любом случае сподручнее будет.

Они вышли из джипа и побрели в левую сторону от дороги. Пахло гарью и сгоревшей кожей, причем запах был настолько тошнотворным, что оба российских дипломата едва сдерживали рвотные позывы. Виктор достал из кармана носовой платок и приложил его к лицу. Антон же обошелся без платка, хотя это стоило ему невероятных усилий воли. На пару они обошли и осмотрели всю территорию, где раньше располагался небольшой ливийский поселок. Ни в одной из воронок или между ними они не обнаружили ни одного живого человека. Потом свернули направо, туда, где обнаружили остатки военной техники и тела погибших солдат. Осмотр тел опять ничего не дал. Ни единого намека на государственную или политическую принадлежность, даже на сохранившихся после бомбежки фрагментах военной техники никаких следов и знаков. Непонятно, кто эти бойцы и кем уничтожены.

Вдруг среди груды тел Виктор заметил какое-то шевеление. Один из солдат неожиданно подал признаки жизни. Они приблизились к раненому бедолаге из неизвестной армии, пребывавшему в бессознательном состоянии и что-то бормотавшему. На вид типичный европеец. Ничуть не колеблясь, приняли решение тащить раненого к машине, где были аптечка и видеофиксатор. Надо попытаться оказать выжившему медицинскую помощь, а заодно заснять все, что он сможет сказать, если сможет. Мало ли где и когда эта запись пригодится? Ведь непосредственных свидетелей трагедии попросту не осталось.

Уже по дороге к джипу они услышали, как раненый боец в бреду шепчет что-то по-английски. Мало того что это еще один повод для удивления, вдобавок число вопросов, на которые не было ответа, лишь увеличивалось. Переглянувшись, российские дипломаты жестами дали друг другу понять, что пока не стоит показывать свое знание английского. Впрочем, и на родном языке они решили пока тоже не разговаривать и в полном молчании дошли до машины. Виктор сразу взялся за аптечку, хотя толком не знал, что нужно делать. Антон настроил видеофиксатор, потом вытащил из аптечки шприц и ампулу с обезболивающим и сделал солдату укол. Тот застонал, будто воздухом захлебывался, но вскоре его дыхание выровнялось. Затуманенными глазами он смотрел на незнакомцев и продолжал бессвязно бормотать по-английски. Серебряков решил рискнуть и на чистейшем английском языке спросил о

том, что здесь произошло. Услышав английскую речь, боец несказанно обрадовался, но толком ничего не ответил. Среди потока слов они разобрали лишь: «Неизвестные ракеты». Но это и так им известно. Тогда попробовали уточнить, откуда родом раненый. Тот не стал отвечать, точнее, вместо ответа протянул им свой армейский медальон, несколько раз повторил какой-то адрес и номер телефона и вдруг заговорил вполне осознанно: «Я знаю, что долго не протяну. Свяжитесь с моей невестой. Ее зовут Сибил Кеннет. Она британская тележурналистка, работает сейчас в Ливии, освещает ход гражданской войны. Отдайте ей мой медальон и наш последний совместный снимок. Скажите, что умер без мучений».

Антон хотел сказать, что не все еще кончено, что есть шанс на спасение, но не успел – через пару секунд боец закрыл глаза и умер.

Виктор тем временем лихорадочно оглядывался по сторонам. Он явно что-то искал.

– Что ты делаешь? – спросил Антон, заметив рыскающий взгляд коллеги.

– Надо улику прихватить, – ответил Виктор, подняв с земли один из ракетных стабилизаторов.

– Ты просто читаешь мои мысли, – усмехнулся Антон. – Кидай в багажник, и поехали.

– Знаешь, у меня такое ощущение, словно за нами сейчас кто-то наблюдает, – произнес вдруг Гончаров.

– Наверное, это от того, что ты перенервничал.

– Не знаю. Но мне кажется, что этот кто-то наблюдает за нами вон из того уцелевшего дома на повороте. Может, стоит его проверить?

– Это опасно, но, наверное, ты прав.

Они сели в машину и покатали к дому. Подъезжать вплотную не решились, остановили джип в сотне метров от поворота и мелкими перебежками двинулись к дому. На месте выяснилось, что дом не так уж и уцелел, как это казалось издали. Он был наполовину разрушен. С предельной осторожностью осмотрев его и убедившись, что дом пустой, они вернулись к автомобилю и покатали обратно к морю.

Антон вел машину. Виктор безуспешно пытался дозвониться до посольства и подключиться к Интернету. Оба они надеялись, что недавнее отсутствие связи было лишь временным сбоем, и не могли предположить, что мобильная связь и доступ к Интернету отключены по всей Ливии.

Глава 2

Указание эвакуироваться поступило внезапно. Ранним утром по каналам дипломатической связи пришло срочное сообщение. Москва приказала своим дипломатам незамедлительно покинуть Триполи. Необходимость эвакуации обосновывалась «резким обострением внутриполитической обстановки в Ливии, связанным с переходом гражданской войны на новую стадию, при которой невозможно гарантировать безопасность как российского дипломатического корпуса, так и российских граждан в целом». Соответствующие депеши поступили во все учреждения и организации на территории Ливии, где работали российские специалисты. В начале дня призыв покинуть Ливию, обращенный к гражданам России, передали ведущие информационные агентства.

Тот, кто хоть когда-нибудь сталкивался с переездом из одной квартиры в другую, прекрасно знает, какими хлопотами это чревато. А что уж говорить, если вдруг приходится переезжать целому посольству! Российское посольство в Ливии сразу после сообщения из Москвы встало на уши. И хоть это была не паника, а деловая суета, общая атмосфера наэлектризовалась до предела. Большинство сотрудников старались выполнять то, что им предписывала инструкция на случай эвакуации. Впрочем, сугубо по инструкции все равно не получалось, и было решено действовать так, как казалось в тех условиях более целесообразным. Главная задача – оперативно погрузить документацию и носители информации в машины и выехать в аэропорт, куда в течение нескольких часов специальным рейсом должен был прибыть российский самолет.

Проведению эвакуации в немалой степени мешало отсутствие мобильной связи, найти некоторых дипломатов оказалось делом сложным. Правда, руководство посольства и в подобных случаях находило разные способы, чтобы сообщить своим сотрудникам об эвакуации. Фамилии Серебряковых и Гончарова всплыли лишь однажды. В списках сотрудников посольства и их семей напротив их фамилий значилось, что они находятся в отпуске, а отпуск обычно означал выезд в Россию. Сотрудник, сверявший списки, посчитал, что в случае Серебряковых и Гончарова исключения нет, поэтому не стал ни у кого уточнять их местонахождение, сосредоточившись на поиске тех, кто не был в отпуске, но на момент объявления эвакуации отсутствовал в посольстве.

Местное телевидение о новых успехах мятежников ничего не сообщало. И если бы кто-то надумал ориентироваться исключительно на информацию государственных ливийских телеканалов, эвакуацию можно было бы не проводить вовсе. Лишь каналы спутникового телевидения передавали сообщения о том, что повстанцы намечают поход на Триполи, что дни режима Каддафи сочтены. Безусловно, это могла быть ложная информация, просто кто-то пытался выдавать желаемое за действительное. Однако российские власти посчитали лучшим не рисковать своими дипломатами, работниками посольства и их семьями. Война есть война. Чаша весов в этой войне постоянно раскачивалась. Нельзя было с точностью утверждать, на чью сторону она качнется завтра или даже в ближайшие два-три часа. Можно тысячу раз повторять, что власть Каддафи крепка и танки его быстры, однако реальность окажется совсем иной. Никто не мог дать гарантии, что Триполи не подвергнется обстрелу или что в нем не начнутся уличные бои между повстанцами и правительственными силами. В такой заварухе вряд ли кто-то станет следить за тем, чтобы не попасть снарядам в российское или в любое другое посольство. Поэтому решение об эвакуации было единственно правильным в той ситуации.

Какой бы тяжелой или даже неподъемной ни казалась срочная эвакуация, все необходимое было сделано на протяжении четырех часов. Несколько грузовиков направились от посольства в аэропорт. Чуть позже за ними последовали автобусы с посольскими сотрудниками. В аэропорту они оказались не единственными. Эвакуацию проводили дипломатические предста-

вительства и других стран. Одни самолеты только-только прибывали, другие уже взмывали в воздух, увозя дипломатов на родину. Самолет МЧС России стоял на взлетно-посадочной полосе и был готов к приему эвакуируемых вместе с транспортом. Автомобили и автобусы через специальный пропускной пункт заехали на территорию аэропорта. Один из ливийских военнослужащих указал путь к российскому самолету, и колонна неспешно продвигалась к цели. Российские спасатели организовали правильный заезд внутрь самолета, и вся процедура заняла не более пятнадцати минут.

После нескольких переключек – отдельно для каждой из групп эвакуируемых – самолет связался с диспетчерским пунктом аэропорта и вскоре получил разрешение на взлет.

Полет проходил нормально. Эвакуируемые ничуть не огорчились тому, что вынуждены покинуть Ливию. Да, возможно, этот факт мог как-то осложнить их дальнейшую работу или негативно повлиять на карьеру в целом, однако общее желание жить перевешивало все сомнения. Ведь и работу можно найти, и карьеру откорректировать, а вот жизнь не вернешь.

До самой Москвы отдельные группы эвакуируемых практически не общались друг с другом. Один из работников посольства был уверен, что семья второго секретаря посольства Антона Серебрякова и атташе по культуре Виктор Гончаров находятся где-то в самолете. Именно ему звонили накануне со Средиземноморского побережья, сообщив о взрывах. Он полагал, что те бросили свою рыбалку, срочно выехали в Триполи и оказались в числе эвакуируемых. Однако по прибытии в Москву выяснилось, что никого из них на борту самолета МЧС не было. Работник незамедлительно поднял тревогу. Еще раз проверили списки, но результат был предсказуем – пометки об отпуске, и больше никаких замечаний. Срочно позвонили на российские номера Серебрякова и Гончарова – нулевой результат. Связались с пограничной службой, чтобы выяснить, прибыли ли «потерянные фамилии» в Россию. Ответ был отрицательным. Оставалось только одно – либо они в Ливии, либо уехали отдыхать в другую страну. Работник посольства решительно настаивал именно на первом варианте, однако не мог с точностью сказать, откуда именно Серебряков звонил ему. «Район Мисураты» – звучало слишком обтекаемо и неконкретно. Впрочем, за неимением другой информации и это было весьма неплохой зацепкой. Вот только вопрос: кто и как будет искать русских в этом бедламе?

Глава 3

В отдельном батальоне ВДВ завершились учения. Командир батальона майор Андрей Лавров проводил итоговый «разбор полетов». Для этого в батальонном штабе он собрал всех офицеров, так или иначе задействованных в учениях. На похвалы не скупился, но и чехвостили за выявленные недостатки тоже от всей души. Все по справедливости, все каждому по заслугам. Не зря ведь комбата и в офицерской среде, и в солдатской уважительно называли Батяня. «Суров, но справедлив», – говорили о нем. Совещание в штабе лишней раз подтверждало правильность этого высказывания.

– Но есть среди нас и такие, кто еще не понял до конца, что такое ВДВ, – продолжал Лавров. – Так ведь, старший лейтенант Сиводедов?

– Так точно, товарищ майор! – выпалил молодой офицер, вскочив со своего места и став по стойке «смирно».

– Соглашаешься? Значит, осознаешь, – заметил Лавров. – Я понимаю, что для выпускников офицерского училища ВДВ выглядит как-то по-особенному. Не как нечто реальное, а как красочная картинка в сборнике сказок братьев Гримм. Романтика – это хорошо, даже замечательно. Голубые береты, тельняшки, серебристые купола парашютов – это действительно романтика. Но главное ли это в нашей службе? Отвечу сразу – нет. И повторю еще раз для тех, кто до сих пор питает романтические иллюзии, – нет. А что же тогда для нашей службы главное?

– Ну... – замялся старлей, пытаясь найти ответ.

– Не «ну», товарищ старший лейтенант, а забота о своих, – не дождавшись ответа, сказал комбат. – Мы должны прежде всего делать это. ВДВ своих не бросает. Нигде и никогда. Даже если мы участвуем не в реальных боевых действиях, а в учениях. Пойми, если на учениях ты поступаешь так и так, то и в боевой обстановке поступишь аналогично. Что было бы, если бы то, что ты вытворял вчера, происходило на войне? Это был бы настоящий армагеддон. Вот ты решил со взводом зайти в тыл противника. Вроде и неплохое решение, исходя из начальных условий наших учений. Но как ты реализовал его на практике? Совершенно бездумно и бездарно. Необходимо было провести в первую очередь рекогносцировку на местности. Понятие знакомое?

– Так точно! Это визуальное изучение противника и местности в районе предстоящих боевых действий лично командиром для получения данных и принятия решения, – покраснев, но без малейшей запинки ответил Сиводедов.

– Правильно. Теорию знаешь, – одобрительно кивнул майор. – А ты туда сунулся без разведки. И куда? К черту в зубы! В самую гущу концентрации войск условного противника. В условиях реальных боевых действий и твой взвод, и ты сам лично погибли бы в первые же минуты прохождения квадрата «Б». Вы же там оказались как на ладони. Уму непостижимо, как можно учудить такое! Ты ведь вроде не дурак. Я и дело твое личное изучил, и здесь, в батальоне, какое-то мнение о тебе сложил. Но все никак не пойму, как ты мог допустить такой просчет?..

На миг повисло молчание. Лейтенант не знал, стоит ли говорить что-то в свое оправдание, присутствующие напряженно ждали развязки. Но тут за окном послышался звук автомобильного двигателя. Машины к штабу батальона подъезжали лишь в исключительных случаях, поэтому все невольно устремили свои взгляды в сторону окон. Повернул голову и Лавров. К штабу подъехал какой-то «уазик». Буквально через несколько секунд на столе комбата зазвонел телефон, и дежурный сообщил, что Батяню срочно вызывают в штаб дивизии. «Уазик» прибыл как раз оттуда.

Командир батальона был вынужден прервать совещание и отпустить офицеров. Сиводов не спешил уходить. Он обратился к майору, выражая готовность исправить ошибки во время новых учений или других испытаний.

– Посмотрим, – строго произнес Лавров и кивнул, указывая подчиненному на выход.

– Спасибо, товарищ майор. Я обязательно исправлюсь, – поспешил заверить старлей, хотя ничего определенного от своего командира так и не услышал.

Лавров вышел из кабинета и быстро направился к машине.

* * *

Командир дивизии встречал майора лично. После крепкого мужского рукопожатия он сообщил своему подчиненному, что того ожидает важный гость из Москвы. Батяню это ничуть не удивило: из своего немалого опыта он уже понимал, что ему собираются поручить важное задание, даже попытался про себя угадать, куда именно на этот раз. В голове почему-то крутились названия двух стран – Сирия и Ливия. Склониться к одному какому-то варианту он не успел, так как дверь распахнулась, и Лавров с комдивом вошли в кабинет.

Он мало чем отличался от множества ему подобных. Начальский стол у противоположной от входа стены, приставной стол для совещаний, ряд стульев, пара кресел в углах. У стены возле входа возвышался большой книжный шкаф. Сбоку от стола комдива находился сейф. Тут же на стене висели герб и флаг Российской Федерации, а также портрет президента и премьер-министра. Рядом красовалась подробная карта мира. У окна стоял человек в военной форме. Батяня с ходу определил, что гость носит генеральское звание, и приветствовал его по уставу. Комдив представил Лаврова и генерала друг другу, после чего оставил их наедине.

Генерал предложил майору присесть за стол для совещаний и сразу начал, говоря о себе в третьем лице:

– Ты, наверное, гадаешь, зачем заместитель главнокомандующего ВДВ генерал-лейтенант Мустафин вызвал тебя сюда?

– Никак нет, – коротко ответил комбат, ожидая нужных объяснений из первых уст.

– Ты весьма опытный, не раз проверенный в деле человек, – перешел к сути своего визита Мустафин. – Лучшую кандидатуру, чем твоя, сложно найти. Проблема в следующем. С двумя нашими дипломатами и семьей одного из них произошло ЧП: они затерялись в Ливии, не успев эвакуироваться вместе с остальными сотрудниками нашего посольства. Связи с ними у нас нет, а условия в ливийском государстве с каждым днем усложняются, так что они находятся в весьма опасном и затруднительном положении. В составе небольшой мобильной группы вам предстоит высадиться в Ливии и разыскать пропавших. Вот их фотографии.

Генерал достал из лежащей на столе черной папки снимки и один за другим разложил их перед Батяней. Комбат внутренне обрадовался тому, что в своих догадках насчет страны оказался близок к истине. Он вглядывался в черты каждого человека, изображенного на предложенных фотографиях, стараясь запомнить. Последней на стол легла фотография с джипом, на котором дипломаты незадолго до исчезновения отправились на морскую рыбалку. Снимки были любительские, и по датам, отпечатанным на них, можно было понять, что сделаны они совсем недавно.

– Все снимки сделаны за пару дней до их выезда к Средиземному морю в район Мисураты, – подтвердил предположения комбата замглавкома ВДВ и продолжил свои пояснения: – Это второй секретарь нашего посольства в Триполи, его жена и сын, а также атташе по культуре. Есть большая вероятность, что они еще живы, и их во что бы то ни стало надо спасти.

– Это все понятно. Но как попасть в Ливию? Ведь сегодня ее воздушное пространство объявлено бесполетной зоной, – напомнил Лавров. – Любые авиAPERелеты запрещены. Гарантий не быть сбитым чьей-либо ракетой попросту не существует.

Комдив улыбнулся, довольный осведомленностью собеседника.

– Действительно, ситуация в Ливии в точности такая, как ты сейчас описал, – сказал он. – Но лазейка все равно имеется. И у этой лазейки есть свое название. Это Тунис. Рядом с Ливией. Признанный курорт. Наши туристы любят там отдыхать, в том числе и из-за отсутствия визового режима. Но в нашем деле неважно, есть там визовый режим или его нет. Главное, что Тунис является хорошим плацдармом для проникновения мобильной группы на территорию Ливии. Я понимаю, ты хочешь знать, как все будет, но пока не буду посвящать тебя в конкретные детали, о них узнаешь немного позже. Но уверяю, что все тщательно продумано. На данный момент у тебя одна задача – подобрать людей для группы, которая отправится на поиски наших соотечественников. Время поджимает. Отправляйся к себе в часть. У тебя есть буквально два-три часа. Справишься?

– Так точно, – ответил Лавров, уже прикидывая, кого взять с собой.

Варианты кандидатур участников будущей группы Батяня долго перебирал в мыслях по дороге в батальон. И если с кандидатурами связиста и медика он определился довольно быстро, то насчет своего главного помощника были определенные сомнения. Казалось бы, только-только прошли учения и многие младшие офицеры хорошо себя зарекомендовали, можно брать любого из них. Но почему-то такое решение майора как раз и не устраивало. «А не взять ли мне в группу Вадима Сиводедова? – пришла в голову неожиданная мысль. – Нормальный парень, честный, прямой, за своих любому пасть порвет. А то, что не совсем опытный, так это поправимо. Да он и сам после учений рвется доказать, что чего-то стоит. Что-что, а опыт в нашей ливийской вылазке получит стопроцентный». Собственная идея Лаврову очень понравилась. На ней он и решил остановиться, не перебирая больше никаких вариантов.

Глава 4

Адмирал Брюс Паркер второй час не выходил из своей каюты на вверенном ему авианосце типа «Нимиц». Он сидел за рабочим столом, в сотый раз пересматривал пачку фотографий и напряженно думал. Рой тревожных мыслей неотступно вился в его голове. Поводов для оптимизма не было совершенно никаких. Все то, что произошло недавно, способно в один миг разрушить его служебную карьеру. Да и перспектива оказаться на скамье подсудимых в качестве военного преступника представлялась вполне реальной. Причиной его серьезных беспокойств стало содержание просматриваемых снимков. Беспилотный летательный аппарат вернулся с целым комплектом фотографий. На снимках была запечатлена территория, подвергшаяся накануне ракетному удару с американского судна. Уже первое знакомство с ними повергло Паркера в шок. На них отчетливо просматривались трупы солдат в камуфляже без опознавательных знаков. При этом однозначно можно было сказать лишь то, что ливийские правительственные войска такой формы не носили. Конечно, возможно и то, что ракетным ударом был разбит некий гарнизон переодетых каддафистов. Однако основания для таких предположений весьма шаткие. К тому же в районе Мисураты пропали две роты союзников из числа британских коммандос. Сопоставление этого факта с содержанием снимков, полученных при помощи БЛА, подталкивало лишь к одному выводу – британцы попали под удар и были уничтожены американскими ракетами. Такое на войне иногда случается. Союзники по ошибке или халатности расстреливают своих союзников. По недоразумению или из-за слабой скоординированности действий сталкиваются друг с другом солдаты одной армии. У военных это явление получило свое особое название – «дружественный огонь», ничего не говорящее людям несведущим. Услышав его впервые, они обычно ошибаются. Большинство считает, что дружественный огонь является огнем для помощи своим войскам или союзникам. «Сейчас, друзья, мы вам поможем». Вот Брюс Паркер и помог. Так помог, что теперь было тошно.

Впрочем, тошно еще и по другому поводу. На фотографиях из той же серии явственно проступала еще одна ужасающая картина: уничтоженный ливийский поселок. Нет, мистера адмирала ничуть не волновала гибель мирных жителей. Он из тех вояк, кто считает, что мирных жителей не существует в принципе. И если переживал по поводу разрушенного поселка и погибших ливийцев, то лишь из-за страха перед своим будущим. Британские коммандос и несколько десятков ливийских сельчан были мертвее мертвого. Но именно они хватили Паркера своей мертвой хваткой за горло и ставили крест на всех его достижениях. Достаточно сведениям о произошедшем попасть в средства массовой информации, как крупный международный скандал становился неизбежностью. Общественное мнение явно не склонилось бы к оправданию американского адмирала, а командование ВМС США под давлением общественности не стало бы церемониться с Паркером. Показательной расправы над собой он и боялся. Для поддержания видимости демократии и приверженности соблюдения прав человека власти вполне могли пожертвовать одним из своих адмиралов. Тем более что у этого адмирала рыльце в таком пушку, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Паркер нервно отодвинул от себя стопку фотографий, поднялся и принялся расхаживать из угла в угол, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации. Уж больно не хотелось стать жертвой стечения обстоятельств. Причину, что в трагедии под Мисуратой виновен не он, а стечение обстоятельств, Брюс выбрал себе в качестве самооправдания. Но если она могла успокоить его лично, то утихомирить международную общественность ей не под силу, поэтому стоило искать любые способы для того, чтобы в принципе не допустить никакой огласки и придумать все возможное и невозможное, чтобы осуществить это. Действовать следовало быстро и решительно, иначе в район ракетного удара успеет прибыть кто-то нежелательный и увидеть то, что ему вовсе не нужно видеть. Паркер понял, что единственно правильным решением

стала бы отправка в район недавнего недоразумения своих собственных людей. Вот уж кто сумел бы там навести порядок и откорректировать реальность. Вверенные под его начало американские командос запросто выполнили бы несложную для себя задачу. «Надежда только на них, – мысленно рассуждал адмирал. – Оперативно придут в тот район, обшарят его от и до, ликвидируют все возможные следы ракетного удара, уберут и фрагменты самих ракет. Если обнаружат свидетелей, то и с ними разберутся так, как мне это нужно. Никаких свидетелей в живых остаться не должно. И после всего этого мои люди подбросят туда кое-что такое, что прямо указывало бы на каддафистов. Несколько хороших вещественных доказательств вины диктаторского режима в этой бойне будут как нельзя кстати. А уж потом пускай туда летят и журналисты, и международные комиссии, и сам папа римский. Хрена с два они там что-то накопают на меня после работы моих ребят». Последняя мысль несколько раззадорила Брюса, и он впервые за долгое время позволил себе улыбнуться. Впрочем, эта улыбка была полна невероятного злорадства.

* * *

От момента постановки задачи до времени готовности прошло не более сорока минут. Паркер очень четко обрисовал свой план перед командиром морских пехотинцев лейтенантом Аланом Трайплом. При этом подбирал такие слова, чтобы задача выглядела важной не столько для самого начальника, сколько для Соединенных Штатов Америки в целом. То ли смесь красивых и суровых слов командующего, то ли привычка лейтенанта неукоснительно выполнять любые приказы свела вопросы последнего к самому минимуму. Он спросил лишь о том, когда следует выдвигаться, а через полчаса доложил о готовности. Адмирал поблагодарил его за оперативность и сообщил о скором выходе авианосца к пункту назначения.

Под покровом ночи авианосец приблизился на пять километров к ливийскому побережью Средиземного моря. Как только достигли этого расстояния, была раскрыта доковая камера, из нее появилась десантно-гусеничная машина-амфибия AAV7 и направилась прямо в море. На ее борту находилась группа из двадцати пяти морпехов во главе с Аланом Трайплом. Группа была хорошо снаряжена не только для уничтожения вещественных доказательств ракетного удара, но и для вероятных боевых действий против кого угодно. Каждый из бойцов имел за спиной отличную подготовку и серьезный боевой опыт в горячих точках мира. Все они, отправляясь к берегу, получили предельные полномочия и были готовы сполна реализовать их в деле. И хоть направлялись морпехи на место операции под девизом борьбы за интересы США, но внешне выглядели не так, как типичные американцы. Форма одежды и оружие у них были точь-в-точь такими же, как у ливийских повстанцев. Да и типажи среди своих людей Трайпл подобрал такие, чтобы походили на арабов. Отличить американцев мексиканского происхождения от ливийцев сумел бы далеко не каждый обыватель. Впрочем, лейтенант надеялся, что неожиданных встреч на берегу не произойдет. А если и произойдет, то свидетелям не удастся разболтать об увиденном.

Плавающая машина двигалась с довольно высокой скоростью. Она разрезала едва освещенную луной морскую гладь, оставляя позади себя длинный пенный шлейф. Пустынный скалистый берег был все ближе и ближе. Передвижение амфибии координировалось с авианосца. Из специального наблюдательного пункта на нем ежеминутно поступали данные о ситуации на побережье. То, что ситуация там не менялась, было вполне предсказуемо – такая уж местность, однако лишний раз подстраховаться не мешало. Ни адмирал Паркер, ни лейтенант Трайпл не хотели каких бы то ни было сюрпризов. Задуманное дело следовало проверить в весьма сжатые сроки, желательно без неожиданных срывов и отвлечения на что-либо постороннее. Но одновременно и один, и другой понимали, что так должно быть в идеале, а реальность могла оказаться совершенно непредсказуемой. Осознавая это, Брюс даже подумывал об оче-

редной отправке беспилотника для разведки, но все же отказался от этой мысли, опасаясь, что БЛА может привлечь ненужное внимание вероятных свидетелей. Уже сам факт, что авианосец близко подошел к побережью, был недопустимым, а иного способа отправить морпехов на место недавнего ракетного удара не находилось.

С учетом того, что идеальный вариант может не сработать, Паркер и выбрал группу под командованием Трайпла. Алан – вояка до мозга костей и готов вести своих парней хоть к черту в зубы. В любой заварушке противнику мало не показалось бы, даже если бы его силы значительно превышали силы бойцов Трайпла. Однако кроме этого неистового солдатского азарта и мастерства ведения боев в стесненных условиях лейтенант обладал еще целым рядом достоинств. И одним из таких достоинств было знание арабского языка в его ливийском варианте, на котором он разговаривал довольно бегло. При случае мог даже сойти если не за араба, то за европейца, большую часть жизни прожившего в Ливии. При неизвестности того, как события на побережье будут развиваться дальше, знание местного языка значило весьма и весьма много.

Глава 5

Русские решили выждать до утра. Срываться с места ночью было нелепо. Никто не мог гарантировать безопасности передвижения по ночной дороге. Дипломаты понимали, что и днем перемещаться небезопасно, однако темное время суток вдвойне опасно из-за фактора неожиданности. Оставаясь в бунгало на побережье, они практически всю ночь не смыкали глаз. Лишь кратковременная дремота урывками заменила им здоровой полноценный сон. Мерещились посторонние звуки и шорохи. Перед глазами всплывали картины ракетного удара и его последствий. Думалось о том, что же будет дальше.

Утром все чувствовали себя разбитыми, но обращать внимание на самочувствие никто не стал. Были и более актуальные проблемы. И главная из них – вопрос о дальнейших действиях. Ирина вскипятила воду и заварила всем крепкого чая. Доедая вчерашнюю рыбу, они пили горячий чай и размышляли о том, что нужно делать в сложившейся ситуации. Завтрак, по сути, оказался эдаким военным советом, и каждый мог высказать свою точку зрения и обосновать ее. Виктор Гончаров, пользуясь предоставленным ему словом, озвучил свои соображения.

– Оставаться здесь нам в любом случае нельзя, – сказал он, – но и с направлением нашего дальнейшего движения надо определиться исходя из здравого смысла.

– Приятно слышать от тебя слова о здравом смысле, – заметил Серебряков и тут же уточнил: – Вот только хотелось бы знать, что ты имеешь в виду под здравым смыслом?

– Я имею в виду, что нам целесообразно направиться туда, где есть наши. Однозначно это столица Ливии и российское посольство. Именно туда во что бы то ни стало нужно добраться. У нас все-таки на руках дипломатические паспорта, мы обладаем дипломатической неприкосновенностью. Думаю, это поможет более или менее беспрепятственно доехать до Триполи. А там все будет уже намного легче.

Антон явно не ожидал услышать от своего коллеги нечто подобное, так как имел собственное представление о здравом смысле. Будучи более опытным человеком, он понимал, что идея коллеги не самая лучшая в изменявшихся условиях ливийской действительности. Его реакцию, однако, опередила супруга:

– Да, действительно. Виктор прав. Нам нужно возвращаться в Триполи. Дипломатов никто не тронет.

– Дорогие мои мечтатели, – не выдержал Антон. – Все, что вы говорите, приемлемо исключительно в нормальных политических условиях. Когда есть стабильность, есть те, кто готов брать на себя ответственность за заботу о безопасности иностранных граждан и дипломатов. А что мы имеем сейчас? Мы имеем неопределенную политическую обстановку. Если говорить грубо, в стране нынче происходит хрен знает что. Прикрываться дипломатическим иммунитетом, скорее всего, бесполезно, никого наш статус не остановит. Первые же мародеры пристрелят нас, не спрашивая ни о паспортах, ни о гражданстве. Наш джип – весьма привлекательная цель для всяческого сброда, который наверняка выскочил из своих нор. Вот и все, что может с нами произойти по дороге в столицу. Судя по тому, что мобильная связь и Интернет все еще «лежат», заваруха в Ливии приняла очень серьезный оборот.

– Неужели все так беспросветно? – встревоженно спросила Ирина.

– Думаю, что на самом деле все может быть даже хуже, чем я предполагаю, – мрачно ответил Антон.

– И какой же выход ты предлагаешь? – осторожно поинтересовался у коллеги Гончаров.

– Я предлагаю ни в коем случае не ехать в столицу и не искать на наши задницы лишних приключений. Предлагаю, даже настаиваю на том, чтобы мы остались здесь. Останемся и будем выжидать, как будут развиваться события дальше. Возможно, через некоторое время

что-нибудь прояснится, тогда мы примем новое решение. Сейчас же у нас слишком мало информации, чтобы рисковать, покидая эту местность.

Игорь, просматривавший в это время записи видеофиксатора, попросил слова:

– Вы можете меня не послушать, но посмотрите на все то, что было заснято фиксатором на месте ракетного удара. Это же настоящий документальный фильм. Конечно, я не хочу, чтобы меня пристрелили мародеры. Но мне кажется, что сидеть здесь с таким фильмом и ничего не делать – неправильно. Видеозапись нужно показать всему миру. Ведь то, что на ней зафиксировано, – результат настоящего преступления. И если мир увидит все это, найти потом военных преступников будет проще.

Слова Игоря несколько огорошили всех своей взрослой рассудительностью. Даже отец не нашелся, что сразу возразить.

– Ничего не говорите. Просто сядьте и посмотрите запись, – попросил Игорь.

Все согласились, и просмотр начался. Ирина увидела место удара впервые, впервые услышала слова умирающего солдата в камуфляже без опознавательных знаков. Эти эпизоды всколыхнули ее разум и чувства. Она смотрела на все разрушения, воронки, трупы и заливалась слезами. Наверное, такой же была бы реакция многих женщин мира, посмотри они этот фильм. Антон и Виктор восприняли запись не так взволнованно, однако и на них фильм произвел впечатление, позволив еще раз осознать весь ужас общей картины с места ракетного удара. Когда просмотр закончился, на несколько минут установилось всеобщее молчание.

– Сынок, ты все-таки прав, – наконец заговорил Антон. – Но для того, чтобы продемонстрировать этот видеоматериал мировой общественности, нам вовсе не обязательно ехать сломя голову в Триполи. Мы можем выбрать какой-нибудь другой маршрут. Надеюсь, сейчас все обдумаем и примем решение, куда именно направиться.

Супруга посмотрела на него с едва скрываемым удивлением. Он практически никогда не менял своих решений, да еще так быстро. Редким исключением были лишь те случаи, когда менять решение приходилось под нажимом начальства. А случаев, чтобы Серебряков-старший послушался своего собственного сына, Ирина вообще припомнить не могла.

Виктор немного поколебался и тоже поддержал предложение Игоря.

– Безусловно, этот ролик должен стать достоянием гласности. А хорошим дополнением к нему будет вещественное доказательство, – сказал он, напоминая о подобранной на месте трагедии части стабилизатора ракеты.

Стабилизатор ранее был тщательно осмотрен. Антон, мало-мальски разбирающийся в современном вооружении, предположил, что это ракета класса «земля-земля». Маркировка на стабилизаторе отсутствовала, однако исходя из особенности конструкции и качества был сделан вывод о его американском происхождении. Более точный ответ могла дать лишь полноценная экспертиза в специализированной лаборатории.

Начались довольно жаркие споры насчет того, куда отправляться. Антон решительно отстаивал свою точку зрения, повторяя об опасности пути в Триполи. Он предлагал добираться до города Аль-Хумса на побережье Средиземного моря. Аргументация была проста: город находится близко, с недавних пор там действуют корпункты нескольких ведущих информационных агентств. Правда, возникал вопрос, есть ли там русские журналисты либо другие граждане Российской Федерации, которые смогли бы помочь разобраться и с отснятым материалом, и с ракетным стабилизатором? Виктор, исходя из информации, которой владел как атташе по культуре, отрицал наличие в Аль-Хумсе российского корпункта. О пребывании других российских специалистов в этом городе он сведений не имел, поэтому предлагал все-таки ехать в Триполи по шоссе вдоль береговой линии.

– Но Аль-Хумс все равно расположен на этом же шоссе. Почему мы не можем туда заглянуть? Если там никого из наших не найдем, отправимся дальше, – высказал свою точку зрения Серебряков-старший.

– А есть ли вероятность, что нас вообще выпустят из Аль-Хумса? – решила уточнить Ирина.

Антон осекся. Ему было нечем крыть. В Аль-Хумсе могло произойти все что угодно. Получалось, что наиболее оптимальным вариантом было постепенное продвижение к ливийской столице по приморскому шоссе без заезда в крупные населенные пункты. Для такой поездки требовалась особая мобильность джипа. Он не должен иметь ничего такого, что помешало бы ему в случае необходимости быстро скрыться от погони или нападения. Поэтому русские приняли решение очистить машину буквально ото всего, что могло помешать в дороге, полной неожиданностей. Как ни жалко, пришлось оставить на берегу и моторную лодку, и лафет, и еще ряд более мелких предметов. В машину перенесли только самое необходимое.

Кровавое солнце быстро поднималось над побережьем и горным массивом, где произошла трагедия. Они оперативно собрались и погрузились в джип. За руль сел Серебряков-старший.

– Еще никогда в жизни моя рыбалка не прерывалась из-за войны, – с досадой пробормотал он.

– Па, здесь каждый может сказать о себе то же самое, – резонно заметил Игорь.

– К сожалению, это так, сынок, – согласился Антон. – Будем надеяться, что наша следующая вылазка на морскую рыбалку окажется более удачной.

Ответом ему было понимающее молчание. Джип тронулся с места и медленно покатил в противоположную от восходящего солнца сторону.

Глава 6

На развалинах поселка еще кое-где струился дым. Казалось бы, за ночь все должно было окончательно догореть и превратиться в сплошное пепельное покрывало. Однако и с восходом солнца остатки некоторых домов и хозяйственных строений продолжали тлеть. Единственный, не до конца разрушенный после ракетного удара дом выглядел, будто памятник всем тем, кого американские ракеты превратили в прах и сровняли с землей. Легкий ветер ворошил все еще теплый пепел. Какие-то птицы порхали над местом трагедии и весело щебетали. Кому-кому, а птицам не было никакого дела до того, что стало с поселком и его жителями. У них своя птичья жизнь и свои птичьи заботы.

Услышав щебетание птиц, из дверного проема полуразрушенного дома показалась девочка. Четырнадцатилетняя Амина чудом пережила бомбардировку. Родной поселок был уничтожен прямо на ее глазах, и девочка находилась в шоковом состоянии. Она проплакала весь вечер и всю последующую ночь и почти не спала, боясь, что кто-либо ее найдет. Но вот наступило утро, и Амина отважилась выйти из своего убежища.

Как испуганный волчонок, девочка настороженно вышла наружу.

Птицы продолжали щебетать, будто все оставалось по-прежнему, это давало девочке призрачный повод надеяться если не на лучшее, то хотя бы на то, что не станет еще хуже.

Осмотревшись, Амина побрела туда, где еще вчера стоял дом ее отца. Сориентироваться на местности было не так просто. Все обычные ориентиры из числа строений были уничтожены. Местность выглядела и знакомой, и незнакомой одновременно. От этого странного ощущения кружилась голова. Ямка на ямке, искореженная дорога и много пепла. Девочка не смогла сдержаться и снова зарыдала. Слезы градом катились из ее глаз и текли по щекам, размывая грязь.

Амина с трудом заставила себя не плакать и быстро побежала в направлении отчего дома. Через воронки, развалины, мимо обгоревших скелетов военной техники. Всюду трупы, всюду следы крови.

Достигнув своей цели, девочка стала рыскать взглядом по земле. Когда это не помогло, она опустилась на колени и принялась раскапывать руками все подозрительные возвышения, причем делала это с таким рвением и так быстро, будто кто-то собирался лишить ее этого важного, с ее точки зрения, занятия. Возвышения оказывались нагромождением выброшенной от взрывов земли. Под несколькими из них девочка наталкивалась на свежие человеческие останки. Сначала это зрелище ее сильно напугало, но на второй-третий раз она привыкла и лишь слегка ойкала.

Амина обшарила весь участок на месте родного дома. Живых не нашла, а в найденных мертвых своих не узнала. Она поднялась с земли и громко закричала. Ее голос звонким эхом пронесся над уничтоженным поселком. Она крикнула еще раз, затем еще. Ни единого звука не последовало в ответ. Если бы кто-то был жив, то наверняка бы отозвался.

Заплаканная девочка вздрогнула. На дороге со стороны моря послышался моторный гул. Она резко обернулась. Из-за поворота показалась машина под красно-черно-зеленым флагом повстанцев. Судя по шуму, следом двигалось еще несколько машин. Так это или не так, Алина выяснять не стала, решив на всякий случай вернуться в свое укрытие. Низко согнувшись, девочка сиганула обратно к полуразрушенному дому. Она была уверена, что с машины ее заметить не успели.

Глава 7

Батяня вместе с собранной им группой из трех опытных офицеров прибыли в граничащий с Ливией Тунис. Крепкого рослого старшего лейтенанта Вадима Сиводедова он определил своей правой рукой. Майор был уверен, что для его подчиненного участие в операции будет весьма полезным. Поджарый связист лейтенант Иван Цыбин давно зарекомендовал себя не только как отличный специалист в своей сфере, но и как знатный хохмач. Медик, крепыш лейтенант Николай Коршунов, с одинаковой сноровкой орудовал и медицинскими средствами, и разного рода оружием. По характеру все были разными, но именно такие группы Лавров любил больше всего.

Группа во главе с Батяней прибыла в Тунис под видом латышских туристов. У каждого на руках имелся паспорт гражданина Европейского союза и все положенные в таком случае документы. Особых проверок в Тунисе не намечалось, но в случае чего участники мобильной группы могли вполне сойти за русскоязычных жителей Латвии, чудом получивших гражданство.

Тунис в качестве своеобразного плацдарма был выбран неслучайно. В район ливийской Мисураты, где исчезли русские дипломаты, попасть со стороны моря нереально. Специалисты в Москве все хорошо просчитали с учетом актуальной на тот момент ситуации. Средиземное море в том квадрате находилось под контролем коалиции западных держав, выступивших против режима Каддафи. Появление любого постороннего судна было бы мгновенно зафиксировано, а его дальнейшее перемещение в сторону побережья – пресечено. Поэтому данный вариант прибытия отпадал.

Попасть в Ливию можно было только по воздуху, десантируясь на парашютах. Однако в связи с тем, что страна объявлена бесполетной зоной, задача сильно усложнялась. Поэтому был выбран Тунис, являющийся вполне благополучным туристическим объектом с безвизовым режимом. Правда, недавние события со свержением местного диктатора несколько уменьшили поток туристов, но в данном случае это было только на руку российским десантникам и тем, кто помогал проводить операцию. Ведь с каждого туриста тунисские власти и дельцы жаждали получить как можно больше прибыли. Они вполне могли закрыть глаза на некоторые вещи, лишь бы положить в свой карман лишнюю копейку. За деньги можно было договориться о многом, даже о самолете для группы туристов, которые сильно возжелали полюбоваться Тунисом с высоты птичьего полета.

Понятно, что ни майору Лаврову, ни его напарникам нельзя светиться и вести какие-либо переговоры насчет самолетов или еще чего-нибудь. Все хлопоты с переговорами взял на себя один из помощников российского военного атташе в Тунисе, который имел многочисленные связи внутри этой страны. Ему не составляло большого труда найти подходящего дельца, который бы принял деньги и не задавал при этом лишних вопросов. Помощник военного атташе весьма оперативно купил старенький самолет, который находился в глубине страны на границе с Ливией. Он же нашел и парашюты для четверки «латышских туристов». Однако и на этом его миссия в данной операции не заканчивалась. Дипломат являлся довольно опытным пилотом и мог сам сесть за штурвал самолета, чтобы довести его в нужный квадрат.

Но даже при таком, в общем-то, удачном раскладе оставалась немаленькая проблема. Она касалась все того же бесполетного режима для Ливии. Любой летательный аппарат мог быть сбит, невзирая на то, откуда он появился. Поэтому вылет из Туниса самолетом был сопряжен с большим риском. Да и лететь в необходимый квадрат приходилось без диспетчерской поддержки. Определенная надежда была на то, что полет не засекут, а если и засекут, то не станут сбивать без предварительных переговоров. Самолет ведь старый, гражданский, явной военной

угрозы он не представлял. А во время возможных упомянутых переговоров должна сработать легенда о заблудившихся в воздушном пространстве туристах.

При всей этой рискованности и по большому счету неопределенности ситуации особо выбирать было не из чего. Группа Батяни выехала на аэродром и погрузилась на борт. Помощник российского военного атташе еще раз обрисовал ситуацию и завел двигатель. Набрав разгон, самолет оторвался от взлетно-посадочной полосы и взлетел. Несколько десятков километров он пролетел вдоль границы и лишь затем взял курс на охваченную гражданской войной Ливию.

* * *

Джип с русскими продолжал свой путь вдоль Средиземного моря. Мысли о том, что необходимо спастись и показать миру правду о ракетном обстреле ливийского поселка, не покидали их. К разговорам об этом они возвращались постоянно. Даже если пытались говорить о чем-то другом, все равно неминуемо скатывались к этой теме. Размышляя о сохранности улики, Антон и Виктор решили их припрятать. По крайней мере им казалось, что держать в машине видеозапись и фрагмент ракетного стабилизатора не совсем правильно. Любой даже весьма беглый обыск позволил бы найти вещественные доказательства, находись они в салоне, поэтому дипломаты спрятали вещдоки в запасном колесе.

Впрочем, с момента выезда дорога была более или менее спокойной. Ничего особенного не произошло, никто не пытался остановить джип. Машин и людей на шоссе практически не было. Казалось, что прибрежная трасса попросту вымерла. Однако периодически раздававшаяся стрельба и взрывы свидетельствовали о том, что где-то рядом очень неспокойно. Через какое-то время все эти звуки исчезли и больше не повторялись. Это придавало уверенности в том, что основная зона военного конфликта уже преодолена, и дальше все будет хорошо.

– Сынок, что там впереди? – спросил Антон у Игоря, которому поручили следить за картой.

– Да какая-то местная Хацапетовка. Малюсенький поселок. Когда ехали из Триполи, мы в этот поселок не заезжали, мимо проехали, – пояснил тот.

– Ну что ж, на этот раз мы просто должны ехать туда, другого выхода нет. Нам нужны вода и продовольствие, наши запасы почти на нуле, так что делайте оргвыводы, уважаемые господа. – Антон старался продемонстрировать присутствие духа и пошучивал так, как делал это всегда.

Джип на предельно низкой скорости заехал в поселок, с первого взгляда показавшийся всем странным. Нигде не было видно ни одного человека. Продвижение в глубь поселка картины не меняло. Складывалось такое ощущение, будто вся эта «местная Хацапетовка», как выразился Серебряков-младший, просто вымерла.

– Что за ерунда такая? – удивленно проговорил Гончаров. – Где все люди?

– Да кто ж его знает? – процедил сквозь зубы Антон, всматриваясь в дома, мимо которых они проезжали.

– Такое ощущение, будто жители между делом просто растворились. Вот они были, а вот их уже нет, – встревоженно сказала Ирина и поежилась от собственных слов.

– Наверное, ушли куда-то, и, похоже, совсем недавно, – заметил Виктор.

– Или их увели и расстреляли, – не удержался Игорь.

Взрослые разом уставились на него, будто услышали какую-то несусветную ересь. Хотя после поселка, уничтоженного ракетным ударом, в словах Игоря не было ничего фантастического.

– Нет, сынок, ты ошибаешься. Скорее всего, жители просто покинули место своего обитания. Причем сделали это совсем недавно. Иное дело, что мы не знаем причины их ухода. –

Антон приостановил машину у одной из пустующих лавок. – Ну, что? На раз-два-три выходим, берем еду, бутылки с водой и возвращаемся назад. Я правильно мыслю? – предложил он.

– Пусть Игорек останется в джипе, – попросила Ирина.

Игорь, желавший быть в самой гуще событий, недовольно чмокнул губами и хотел вслух возразить – мол, немаленький, и все такое, – однако для спора времени просто не хватило. Из-за угла выползла боевая машина пехоты желтого цвета. Ее пулемет был демонстративно направлен на джип. Русские оказались в ловушке. Резко развернуть джип и попытаться скрыться Антон не мог – слишком маленькое расстояние было между ним и БМП. Да и пулеметчик наверняка не шутил: пара очередей – и джип превратился бы в решето, а вместе с ним и все его пассажиры. Какое-то адекватное решение в этой ситуации принять было трудно. Через несколько секунд из чрева БМП высыпали вооруженные автоматами Калашникова мужчины в камуфляже. Послышался почти синхронный звук от передергивания затворов. Держа джип на прицеле, автоматчики окружили его со всех сторон. Один из них сделал рукой жест, требовавший всем выйти из джипа с поднятыми руками. Ситуация была безвыходной. «Придется уважить силу оружия», – раздосадованно прошептал Антон, готовясь первым выйти из машины.

Глава 8

В разрушенный ракетным ударом поселок вошла небольшая колонна повстанцев. Ее костяк составлял десяток полугрузовиков, на которых были установлены пулеметы. Вместе с ними по дороге двигался старый советский танк «Т-72». Несколько бронетранспортеров, некогда отбитых у правительственных войск, были распределены по разным частям колонны. Из головной машины подали сигнал ко всеобщей остановке. Машины почти одновременно затормозили и остановились. Повстанцы повыскакивали на изрытую ракетами дорогу и принялись осматривать местность. Даже выдавшие виды бойцы были изрядно шокированы тем, что сразу бросилось в глаза. Никто не мог понять, что именно здесь произошло. Поселок разрушен, жители мертвы, неизвестные солдаты в форме без опознавательных знаков тоже мертвы. На последствия обычного боя эта картина вряд ли тянула. Среди трупов и развалин повстанцы отыскивали несколько ракетных осколков. Ответов на возникшие вопросы они не давали, лишь укрепляли в мысли, что обычным боем в этой местности даже не пахло. «Эх, нам бы хотя бы одного живого свидетеля», – подумал командир отряда, разглядывая лежащие на земле трупы.

Из единственного частично уцелевшего дома вдруг вышла девочка. Подняв руки, она дрожащим голосом попросила, чтобы бойцы не стреляли в нее. Увидев запуганное, перепачканное с ног до головы существо, командир приказал убрать автоматы и, подойдя к девочке, поинтересовался, кто она такая. Амина назвала свое имя и сообщила, что осталась единственной выжившей после ночного кошмара. Рассказать внятно о событиях минувшей ночи она не смогла, все время срывалась на рыдания. Из обрывков ее рассказа командир повстанческой группы все же сумел сделать кое-какие выводы.

– Скажи, а после обстрела сюда кто-нибудь приходил? – спросил он.

– Приезжали какие-то иностранцы. Смотрели все. Вроде что-то искали. Меня чуть не нашли, – отвечала Амина.

– Сколько их было? Они носили военную форму?

– Я видела только двоих. Они на машине большой приехали. Мне показалась, что это русские.

– Что? Русские? – изумившись, переспросил командир. Находившиеся рядом повстанцы тоже с изумлением переглянулись. Увидеть в этих краях русских никто не ожидал. – А как ты поняла, что это русские, а не немцы или шведы?

– Они говорили как русские. Очень похоже на те слова, которые я знала от своего папы. Мой папа был нефтяником и часто общался с русскими. Кое-что о них мне рассказывал. Несколько раз я даже видела их своими глазами и слышала, как они разговаривают. Запомнила, – объяснила Амина, переводя взгляд с командира на его бойцов. Печать удивления все еще не сходила с их лиц.

Русские не вызывали у повстанцев ненависти – относились к ним, скорее, дружелюбно. Их дружелюбие особенно возросло после того, как Россия официально заявила, что не будет поддерживать Муаммара Каддафи. Перекинувшись несколькими фразами со своими помощниками, командир принял решение подстраховать русских. Он еще раз обратился к Амине, расспросив о том, в каком направлении отправились они. Девочка, ничуть не колеблясь, указала западное направление. Велев оставить ей еду и питье, лидер повстанческой группы командовал: «По машинам!» – и колонна двинулась дальше.

* * *

Вступление колонны в разрушенную деревню и последующий разговор повстанца с девочкой наблюдали из укрытия американские морпехи. Для этого использовалась мощная оптика биноклей. Диалоги прослушивались при помощи специальной дистанционной аппаратуры. Алан Трайпл, как знаток арабского языка, лично занялся прослушкой. Все, что он услышал, было очень важно в свете полученного от адмирала Паркера задания. Группа повстанцев никак не вписывалась в план по уничтожению улик американского ракетного удара.

Когда колонна двинулась в западном направлении, лейтенант Трайпл прекратил наблюдение и отдал своим людям приказ срочно рассредоточиться по обе стороны небольшого ущелья, лежавшего западнее разрушенного поселка.

Морпехи спешно выдвинулись в указанные командиром точки. Двое из них отправились в крайний западный пункт ущелья. Их особой задачей была установка нескольких противотанковых мин, которыми блокировался выезд из ущелья. Гул моторов повстанческой автоколонны медленно приближался, однако минеры действовали спокойно, даже хладнокровно, без лишней суеты. Выполнив свою задачу, они разошлись в разные стороны, чтобы присоединиться к разделившимся группкам своих товарищей. Те уже успели подготовиться к бою, затаившись среди кустарников на противоположных горных склонах.

Несколько человек отслеживали продвижение колонны. Каждые три секунды они сообщали остальным через радиосвязь об обстановке на подъезде к ущелью. В принципе обстановка была стабильной. Повстанцы ничего не подозревали и продолжали свой путь, двигаясь со средней скоростью. Засевшие в засаде морпехи приготовили оружие. У обеих группок в целом, не считая персонального автоматического оружия с изрядным запасом патронов и гранат, имелось восемь портативных гранатометов и четыре пулемета. Американцы ожидали сигнала, которым должен стать взрыв мин.

Колонна повстанцев въехала в ущелье. Грохот техники отзывался гулким эхом. Машины были видны со склонов как на ладони. Лейтенант Трайпл объявил тридцатисекундную готовность. БТР, возглавлявший колонну, неминуемо приближался к заминированному участку дороги. Раз, два, три... Синхронной чередой мощных взрывов бронетранспортер подбросило в воздух. Объятый огнем, он запрокинулся и рухнул башней вниз на шедший позади полугрузовик. Как только мины взорвались, один из гранатометчиков выстрелил в «Т-72», замыкавший колонну. От точного попадания башню старого танка сорвало и отбросило в сторону. Другие гранатометчики ударили по оставшимся бронетранспортерам. Заработали автоматы и пулеметы, полетели ручные гранаты. Начался планомерный обстрел всей техники, составлявшей колонну.

Не ожидавшие нападения повстанцы растерялись. Машины взрывались и горели, град пуль от перекрестной стрельбы выкашивал людей. Те, кому посчастливилось не быть убитыми в первые секунды обстрела, пытались оказать сопротивление. Они поднимали автоматы и вслепую выпускали очереди по склонам, надеясь зацепить хоть кого-то из неведомых врагов. Однако все было тщетно. Укрыться от пуль и гранат противника было попросту негде. Отчаянное сопротивление нескольких выживших повстанцев захлебнулось в беспощадном свинце.

Бой стих на пятнадцатой минуте. Последний из сопротивлявшихся повстанцев был застрелен снайпером в голову. Выстрелы прекратились. Морпехи с помощью биноклей осматривали дорогу, заваленную горячей техникой и трупами повстанцев. Нигде не наблюдалось ни единого движения. Получив об этом подтверждение от всех своих людей, лейтенант приказал спускаться вниз и начать прочесывать дорогу. Он полагал, что кто-то из повстанцев мог остаться в живых и где-то затаился.

Осторожно пробираясь среди дымящихся машин, американцы осматривали буквально каждое тело: никто не должен уцелеть. Если кто-то из людей подавал хотя бы минимальные признаки жизни, морпехи тут же добивали его одиночным выстрелом в голову. С десятков таких выстрелов прозвучало, пока морские пехотинцы не прочесали весь участок дороги и добрались до головы колонны. Перевернутый БТР все еще продолжал гореть. Вокруг были разбросаны тела повстанцев. Большинство из них находились в таком состоянии, что и без проверки было ясно – мертвее мертвых. Лишь один тяжело дышал и шарил рукой по земле, будто пытался нащупать автомат. Американцы остановились и некоторое время наблюдали за этим зрелищем. Трайпл связался с ними по рации и спросил, в чем заминка. «Никак нет, никакой заминки, сэр», – доложили те, добивая находившегося в агонии ливийца.

Одновременно со звуком выстрела послышался слабый шум со стороны бронетранспортера. Морпехи тут же его уловили и направили автоматы в ту сторону. Между лежавшим на полугрузовике бронетранспортером и землей образовался небольшой зазор, достаточный для того, чтобы там мог спрятаться один человек. Со своего места американцы не могли точно определить, есть ли там действительно кто-нибудь, следовало приблизиться и проверить. Один из них решил подойти к БТР под прикрытием своих товарищей.

Морпех юркнул к полугрузовику и встал к нему спиной, полусогнувшись. Никаких звуков в предполагаемом месте нахождения еще одного живого повстанца не отмечалось. Держа автомат на изготовку, американец резко вынырнул перед упомянутым зазором. Там действительно прятался ливиец, командир перебитой повстанческой группы. В руке он держал пистолет. Едва перед ним возникла фигура противника, он быстро нажал на спусковой крючок. Одновременно отпрыгивая в сторону, выстрелил и морской пехотинец. Молниеносная реакция спасла его, пистолетная пуля лишь прочертила по правому плечу. Зато выпущенная им автоматная очередь серьезно задела ливийца. Но он, изнывая от боли и заливаясь кровью, не спешил сдаваться. Не успели остальные морпехи поддержать своего напарника огнем, как повстанческий командир вырвал чеку ручной гранаты и неуклюже бросил ее в сторону. Он явно не собирался заботиться о сохранности своей жизни – граната упала в двух-трех метрах от него. Американцы отреагировали мгновенно – услышав звук вырываемой чеки, бросились оттуда прочь. Граната взорвалась, разбрасывая осколки на десятки метров вокруг себя. От взрывной волны БТР и полугрузовик снова опрокинулись, придавив командира повстанцев. Стрелявший в него морпех едва успел укрыться за большим придорожным камнем. Осколки ударили в камень, откалывая от него целые куски. Самого бойца они не задели.

В место взрыва срочно выдвинулась еще одна группа морских пехотинцев для поддержки и для проверки того, что же там произошло. Это выдвижение оказалось излишним – последний повстанец, иссеченный осколками собственной же гранаты, лежал, раздавленный бронетранспортером. Никто из американских солдат серьезно не пострадал.

Лейтенант Алан Трайпл с облегчением вздохнул. Повстанческая группа была уничтожена. Конечно, США оказывали поддержку мятежникам, выступившим против режима Каддафи, однако в данных конкретных условиях повстанцы были врагами. Они видели разрушенный ракетными поселок, оказались лишними свидетелями, поэтому не должны были оставаться в живых. Здесь Трайпл действовал однозначно, в соответствии с логикой полученного от адмирала Паркера задания. Отыскав взятые повстанцами фрагменты ракетных стабилизаторов, морпехи двинулись в разрушенный поселок.

По прибытии на место Алан отправил большую часть своих подчиненных заняться уничтожением всевозможных следов дружественного огня. Они еще по пути сюда получили соответствующие инструкции, а дополнительные пояснения были даны уже непосредственно в поселке. Сам лейтенант с несколькими бойцами подошел к полуразрушенному дому. Он уже знал из недавних наблюдений, что в поселке кое-кто прячется. Остановившись в нескольких метрах от дома, Трайпл громко крикнул по-арабски:

– Эй, девочка, выходи! Мы знаем, что ты там прячешься! Обещаю, мы тебя не тронем! Нам нужно только поговорить с тобой...

Ответа не последовало.

– А у нее там винтовки или гранаты случайно нет? – обеспокоенно спросил один из морпехов, переживший недавний «сюрприз» возле перевернутого бронетранспортера.

– Не трусь, – успокоил его лейтенант. – Там такая задрипанная, забитая девка, что вряд ли возьмет в руки оружие.

– Может, шандарахнуть по этой хибаре, и она от страха сама выскочит? – предложил вояка.

– Отставить! – приказал Трайпл и снова обратился к девочке, на этот раз произнес ее имя.

Амина, услышав, что кто-то обращается к ней по имени, решила выйти из своего укрытия. Впрочем, нельзя сказать, что она не испытывала страха, ей было безумно страшно. Недавние звуки выстрелов и взрывов, которые доносились до ее слуха со стороны ущелья, не вселяли никакого оптимизма. И лишь то, что кто-то назвал ее имя, давало маленький проблеск надежды на лучший исход.

Никого из солдат в повстанческой военной форме девочка не знала и не могла понять, откуда их командир знает, как ее зовут. Ей хотелось верить, что им это стало известно от кого-то из родственников и эти вооруженные сильные люди пришли, чтобы спасти ее. Однако никаких объяснений от бойцов не последовало. Командир говорил на таком правильном арабском, что его речь казалась немного неестественной. С другой стороны, это не было для девочки самым главным. Может быть, там, откуда военные пришли, все говорят именно так?

– Мне рассказал о тебе мой друг, – соврал Трайпл, продолжая выдавать себя за повстанца. – Ну, тот самый, который недавно разговаривал с тобой и оставил еду и воду.

– Что с ним? Его убили? Я слышала взрывы... – выдавила из себя Амина.

– Нет. С ним все хорошо. Просто плохие люди напали на него и его товарищей. Но мы подросли вовремя и прогнали плохих, чтобы они больше не возвращались. Моему другу нужно было уезжать, но он мне рассказал, что в этой деревне осталась ты. Это правда, что ты видела здесь русских? Я очень люблю русских, среди них у меня много друзей. Я когда-то работал нефтяником... – складно сочинял лейтенант, зная, на что именно нужно давить в разговоре с девчонкой.

– Да?! – Глаза Амины радостно загорелись.

Алан утвердительно кивнул.

– Да, я видела русских. Они приехали сюда почти сразу после бомбежки.

– Они, наверное, ехали куда-то по своим делам, но оказались здесь после этого кошмара. Так ведь?

– Нет, – решительно возразила Амина. – Они приехали сюда нарочно. Все осмотрели. Убитых. Развалины. Ямки эти. Нашли даже одного живого военного. Вроде разговаривали с ним. Но он все равно умер. А потом русские подняли с земли какую-то штуку, забрали к себе в машину, развернулись и уехали.

– Очень интересно рассказываешь, молодец! Раз они все здесь осматривали, то их должно было быть много, наверное, человек двадцать. Приблизительно столько же, как и моих друзей, – кивнул Алан на морпехов, копошившихся неподалеку. – Правильно?

– Нет же! Они приезжали вдвоем. На такой машине... – Девочка задумалась. – Как это она называется? А! Вспомнила – джип! И у них не было такой одежды, как у твоих друзей.

– Но они были одеты в военную форму другого вида, а при себе имели оружие? Да? Ведь если они ехали сюда специально, то наверняка были вооружены. Они же не могли знать, что их здесь ждет?

– Ты опять не угадал, – не понимая, что ею манипулируют, с детской радостью воскликнула Амина. – Русские были в обычной одежде, и оружия у них не было. Ходили по деревне с пустыми руками.

Трайпл попытался сложить все части мозаики воедино. Получалось, что ему следовало искать двух безоружных гражданских русских, разъезжавших на джипе. То, что они прибыли в уничтоженный поселок специально, а не были там проездом, давало некоторое основание предполагать, что те не являлись праздными туристами. Но кем они были на самом деле, понять было совершенно невозможно. Эта глупая девчонка толком их и не рассмотрела, описать внешность не может, имен и фамилий не слышала. Зато она видела, как они рыскали по деревне и что-то искали. Лишнее основание их подозревать. В любом случае, лейтенант понимал: русских, кем бы они ни были, необходимо срочно разыскать и уничтожить. В противном случае задание, полученное от адмирала, можно считать проваленным.

Глава 9

Старенький гражданский самолет летел в ливийском воздушном пространстве. За штурвалом сидел помощник российского военного атташе в Тунисе. На борту, готовые в любой момент десантироваться, находились майор Лавров, старший лейтенант Сиводедов, лейтенанты Цыбин и Коршунов. Пресловутая бесполетная зона до поры до времени никак не проявляла свой статус. Казалось, еще немного, и можно прибыть в нужный квадрат без встречи с блюстителями бесполетного статуса Ливии, до Мисураты оставалось всего ничего. Однако надежды на беспрепятственный пролет до пункта назначения оказались напрасными.

Неожиданно из-за облаков показался военный самолет коалиции. Не было никакого сомнения, что он поднялся в воздух по сигналу и должен был пресечь дальнейший полет гражданского воздушного судна. Как и предполагалось ранее, самолет коалиции не стал немедленно атаковать нарушителя, а сигналами международной кодировки предложил нарушителю совершить посадку на шоссе. Подобная раскладка никак не входила в планы русских, так как означала неминуемый провал всей спасательной операции еще до ее фактического начала.

Помощник военного атташе принял решение срочно увести самолет и дать возможность группе Лаврова все-таки десантироваться. Предупредив десантников, он начал резко снижать высоту и направился к узкому горному ущелью. Маневр для самолета коалиции был несколько неожиданным. Его пилот спешно изменил курс и дал несколько предупредительных очередей. Становилось ясно, что никаких вариантов для мирного исхода не существует, пилот коалиции настроен весьма серьезно. Помощник атташе осознавал, что за предупредительными выстрелами последуют прицельные, и тогда от старой посуды, купленной в Тунисе, ничего не останется, кроме кучи дырявого от пуль железа, которое рухнет на землю в нескольких десятках километров от моря.

Однако он четко определился в своих намерениях, собираясь идти до конца и выполнить задание, поэтому не сдавался и не ждал, когда невольный противник изрешетит самолет, а все время маневрировал, стремясь не идти по одной определенной траектории. Он нарочно петлял из стороны в сторону, постоянно менял высоту, что не позволяло пилоту коалиции предугадать следующий местоманевр нарушителя и открыть прицельную стрельбу. Все эти замысловатые движения объекта, преступившего требования о бесполетном статусе воздушного пространства Ливии, укрепляли в нем подозрения насчет неслучайности появления нарушителя.

На низкой высоте нарушитель обогнул гору, прячась от преследователя. Тот действительно немного отстал, так как опасался, что его хотят заманить в ловушку. Горное ущелье было очень удобным местом для засады. На любом из горных склонов вполне могла находиться артиллерийская установка сторонников Каддафи или еще что-то в этом роде. Поэтому пилот решил близко к горам не подходить, продолжая следить за нарушителем на расстоянии. Нарушитель же тем временем летел над горным ущельем.

– Ну что, мужики? Наверное, самое время выгружаться! – крикнул помощник атташе.

Десантники поднялись со своих мест и направились к дверям.

– А как же ты? – спросил у пилота Батяня.

– Я как-нибудь справлюсь, – уверенно проговорил тот и с улыбкой добавил: – Удачи вам всем!

Высота была довольно низкой, но вполне подходила для прыжков с парашютом. Цыбин и Коршунов прыгнули первыми. В такой ситуации медлить не следовало. И купола парашютов раскрылись буквально через пару секунд после прыжков. Следующими были Сиводедов и Лавров. Один за другим они покинули борт самолета и устремились вниз. Их парашюты «выстрелили» синхронно. Оставалось привычное – откорректировать свое приземление, управляя

парашютом при помощи строп. Сильного ветра не наблюдалось, поэтому приземление не грозило какими-либо осложнениями.

Пролетев над ущельем, самолет помощника атташе стал быстро набирать высоту, пытаясь уйти в облака, чтобы хоть на какое-то время скрыться от преследования, но пилот не сумел рассчитать свои силы и во время очередного маневра не справился с управлением. Самолет зацепился крылом за скалу. Крыло тут же сломалось, самолет повернуло на девяносто градусов, и он ударился прямо в скалу. Прогремел взрыв, и объятые огнем и клубами дыма обломки, разлетевшись в разные стороны, рухнули на землю. Пилот не успел ничего предпринять для собственного спасения и погиб.

Пилот самолета коалиционных сил зафиксировал взрыв объекта-нарушителя, однако для него оставалось неясным, была ли эта катастрофа случайностью или самолет кто-то подбил. Он доложил об этом своему начальству. Чуть ранее сообщил и о странном десанте из нескольких человек, высадившихся в горном ущелье. Координаты их приблизительного приземления пилот записал на бортовой компьютер. Можно было хоть сейчас накрыть соответствующие точки ущелья ракетами. Пилот посчитал такой вариант действий вполне логичным и решил немедленно предложить его начальству. Едва он начал излагать свою точку зрения, как его в резкой форме оборвали, приказав возвращаться на авианосец и дав строгую рекомендацию не лезть не в свои дела. Начальству, мол, виднее, что и как нужно делать в этой ситуации. Негодующий легчик развернул машину и полетел в сторону моря.

* * *

Вооруженные люди, выскочившие из БМП и заставившие выйти из джипа неизвестных им европейцев, начали с обыска. Они проверили каждого пассажира, затем обшарили машину. Ничего подозрительного не нашлось. Судя по разговору и наличию опознавательных знаков на форме, было видно, что это – солдаты правительственных войск, те самые, что продолжали защищать Каддафи. Едва в их руках оказались паспорта незнакомцев, каддафисты пришли в ярость. Им попались русские дипломаты – представители того государства, которое недавно поддержало международные санкции против официального ливийского режима. Пришлось выслушивать отборные местные ругательства с определенными русскими вкраплениями. Ливийские вояки размахивали автоматами прямо перед лицами захваченных, грозились застрелить их, как бешеных собак, за «предательство Москвы» и «русский нож в спину ливийского народа».

Понимая, что промедление смерти подобно, Антон решительно заявил командиру группы каддафистов:

– Есть разные русские. И если российское правительство примкнуло к противникам полковника Каддафи, это вовсе не значит, что весь наш народ поддержал правительственное решение. Я, моя семья и мой коллега всегда считали, что лишь власть Муаммара Каддафи способна обеспечить стабильность и процветание ливийскому народу. Мы даже в свой отпуск не стали возвращаться на Родину, а остались отдыхать в Ливии. То есть мы доверяем законной власти и видим в ней подлинную защитницу своих прав и свобод. Каждый из нас был и остается уверен, что временные трудности ваша страна вскоре преодолет и вернется к мирной созидательной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.